

Глава 5. Мяу

Кошачий Бог наблюдал за этой сценой, но вмешиваться не спешил.

Правило оставалось прежним: пока Мими сам не проговорится и не признается в своей кошачьей сущности, у его отцов, как бы они ни подозревали, не будет прямых доказательств. Сейчас он всего лишь четырёхлетний малыш, и странности в поведении можно списать на возраст — дети порой бывают такими чудными.

Чтобы отец смог заново принять его в человеческом обличье, можно было позволить проскользнуть паре кошачьих повадок. Даже если отец догадается о связи между мальчиком и котёнком, он не сможет доказать это другим и не нарушит порядок на Земле.

В прошлом уже бывали случаи, когда люди принимали новорождённых за реинкарнацию своих умерших питомцев, находя в их поведении отголоски привычек любимцев. На самом же деле души животных давно отправились на свои планеты, не имея к этим детям никакого отношения. Так что, даже если отец Мими будет уверен в своей догадке, со стороны это будет выглядеть лишь как проявление скорби по коту, проекция чувств на ребёнка. Это была своего рода лазейка в правилах.

Однако, когда Мими, подражая своим старым привычкам, несколько раз провёл по простыне своей маленькой ручкой, словно разгребая наполнитель, Кошачий Бог всё же счёл нужным вмешаться.

— Можешь обхватить живот руками, — тихо подсказал он. — Дай понять, что у тебя болит животик и ты хочешь в туалет.

В палате, помимо отца Мими, находилась незнакомая семья, так что следовало быть осторожнее.

Мими послушно последовал совету: убрал ручки и прижал их к животу.

Цзин Чжи догадался, что он, вероятно, хочет в туалет, но то, как он только что водил рукой по простыне, вызвало у него смутное подозрение. Впрочем, мысль была настолько нелепой, что он тут же отогнал её, не решаясь проверять свою догадку.

Отставив почти пустую коробочку из-под каши, он спросил:

— В туалет хочешь?

Цзин Мими поспешно кивнул.

Цзин Чжи слегка приподнял бровь. Значит, человеческую речь он понимает. Тогда почему он молчал, когда ему задавали столько вопросов? Нарочно?

Хотя, возможно, он просто не знал, что отвечать. В таком возрасте ребёнок действительно может не помнить ни своего адреса, ни номера телефона родителей. Так или иначе, Цзин Чжи не чувствовал ни капли раздражения и не собирался его ругать. Он просто поднял малыша, усадил на край кровати и принялся надевать ботинки. Он не знал, умеет ли мальчик обуваться сам, но помочь было быстрее, тем более что ребёнок был болен и нуждался в заботе.

Цзин Мими опустил глаза и смотрел, как отец надевает ему ботинки. Это напомнило ему те дни, когда папы наряжали его, котёнка Мими, в красивые одежды. Тогда и большой папа был

рядом, они оба крутились вокруг него.

Интересно, где сейчас большой папа... Приедет ли он за ними? Он понимал, что находится в больнице. Будучи котом, он тоже лежал в ветеринарной клинике, только та была поменьше. Тогда он каждый день ждал, когда папы заберут его домой.

— Не торопись, — успокоил его Кошачий Бог. — Сначала разберись с маленьким папой. Когда он заберёт тебя домой, всё станет проще. Шаг за шагом.

В этот момент Цзин Чжи закончил с обувью и осторожно опустил малыша на пол. В следующую секунду тот рухнул на ровном месте.

Бум.

— ?! — Цзин Чжи замер.

Пол был абсолютно чистым, без единой капли воды или чего-либо, обо что можно было споткнуться.

Не успел он протянуть руку, как малыш уже опёрся на ладони и сел на колени. Упал он довольно громко, но даже не заплакал. Цзин Чжи тут же опустился на корточки, чтобы осмотреть его. Убедившись, что никаких ранок нет, он с облегчением выдохнул.

— Ножки затекли?

Цзин Мими моргнул и, ухватившись за протянутую руку, с усилием, пошатываясь, поднялся на ноги. Он впервые стоял на двух ногах в этом теле и ещё не привык к равновесию, потому и упал. Но само ощущение было не таким уж плохим. Будучи котом, он иногда вставал на задние лапы, и этот опыт помог ему быстро сориентироваться.

Цзин Чжи заботливо придерживал его, боясь, что он снова упадёт. Но маленькая ручка крепко вцепилась в его ладонь и не отпускала. Он не стал её отстранять и так, держа его за руку, повёл в ванную комнату.

Там, где Цзин Чжи не мог слышать, Кошачий Бог усердно наставлял Мими:

— Когда я говорю «раз», шагай левой ногой, когда «два» — правой. Раз-два, раз-два, раз-два... Отлично, стой!

Хотя у него больше не было хвоста для равновесия, поддержка отцовской руки помогла Мими уверенно освоить ходьбу на двух ногах.

— А ты способный котёнок, — похвалил его Кошачий Бог. — У тебя настоящий талант быть человеком.

В ванной были и унитаз, и напольный туалет. Цзин Чжи подвёл его к обоим.

— Сними штанишки и сделай свои дела вот в эту ямку справа, — продолжал Кошачий Бог. — Только постарайся не испачкать ничего вокруг.

Мими понял его лишь отчасти и, хоть и знал в общих чертах, что делать, в первый раз действовал немного неуклюже. Цзин Чжи как-то видел в интернете видео, где воспитатели рассказывали, что некоторые дети в садике ходят в туалет прямо в штаны. Опасаясь подобного, он, не дожидаясь, сам помог малышу их снять.

Мими почувствовал, как попе стало прохладно.

— Давай, — раздался голос отца.

Нервно сглотнув, он подошёл к напольному туалету и с серьёзным видом принялся за дело. Цзин Чжи стоял позади, легонько придерживая его за воротник, чтобы он снова не упал. Падение на пол — это одно, но здесь падать было нельзя.

Мими ничуть не стеснялся. Когда он был котом, отец часто наблюдал, как он ходит в лоток, и даже хвалил за то, как аккуратно он закапывает, не разбрасывая наполнитель. Эта привычка выработалась у него давно, ещё до встречи с папами. Тогда, если он слишком усердствовал и выгребал наполнитель за пределы лотка, его били. Маленький беззащитный котёнок не мог сопротивляться и лишь подчинялся. Позже, когда папы раз за разом хвалили его, плохие воспоминания постепенно стёрлись.

Закончив, Цзин Мими попытался сам натянуть штаны, не желая больше утруждать отца. Будучи котом, он всегда сам закапывал за собой. Теперь, когда закапывать было нечего, он должен был хотя бы сам одеться.

Цзин Чжи с удовлетворением отметил это. Но когда малыш взял его за руку и собрался уходить, он остановил его:

— После туалета нужно смывать. Твой отец тебя этому не учил?

С этими словами он нажал на кнопку смыва, и ванная наполнилась шумом воды. Он спросил это намеренно: во-первых, чтобы проверить его реакцию на слово «отец» и, возможно, получить зацепку для поиска его семьи; во-вторых, смывать за собой — элементарное правило, которому отец должен был научить сына.

Цзин Мими замер и, подняв голову, посмотрел своими огромными влажными глазами сначала на Цзин Чжи, потом на кнопку, которую тот нажал, и ласково прижался к его ноге.

Папа его учит. В следующий раз он обязательно смоем.

Под этим чистым, янтарным взглядом Цзин Чжи невольно прикусил язык.

...Да какая разница.

Его родители, скорее всего, не самые ответственные люди, раз за столько времени так и не объявились. Да и сам малыш, очнувшись, ни разу не выказал желания найти их. Кто знает, что у них за семья. Такой маленький ребёнок ни в чём не виноват. Это всё вина взрослых.

Это напомнило ему ту ночь, когда они с Цзян Суйфэном только принесли Мими домой. Они ещё не успели купить ничего для котёнка, в том числе и лоток. Посреди ночи Мими вдруг начал громко мяукать, разбудив их. Они долго суетились, не понимая, в чём дело, и в итоге в панике повезли его в ветеринарную клинику. Был уже глубокий час ночи. Врач в единственной круглосуточной клинике осмотрел Мими и просто поставил его в лоток с наполнителем. Мяуканье тут же прекратилось, и котёнок, который, видимо, очень долго терпел, наконец сделал свои дела. Доктор ещё долго с улыбкой подшучивал над двумя неопытными «родителями», которые в итоге вернулись домой с котёнком и свежкупленным лотком.

Шум воды стих. Цзин Чжи отогнал нахлынувшие воспоминания, взял малыша за руку, подвёл к раковине, чтобы вымыть руки, и они вышли.

Едва за ними закрылась дверь, как по палате разнёсся нежный голосок:

— Мяу-у...

У Цзин Чжи мгновенно перехватило дыхание. После смерти Мими звук кошачьего мяуканья стал для него невыносим.

Глаза Цзин Мими, наоборот, вспыхнули любопытством. Он проследил за звуком и увидел, что он доносится из планшета в руках девочки с соседней кровати. Он узнал планшет. Когда он был котом, папа давал ему играть в игры на нём. Там по экрану плавали рыбки, и если ударить по ним лапкой, они взрывались фейерверком. Ему очень нравилась эта игра, и папа часто держал его на коленях, пока он играл. Будучи котом, он тоже слышал мяуканье из папиного телефона и планшета и даже немного грустил, поджав хвост, думая, что у папы появился другой котёнок. Только став человеком, он понял, что это были лишь звуки, а не настоящие кошки, которые могли бы отнять у него любовь отца.

Не успел он как следует всё рассмотреть, как его тело вдруг взмыло в воздух. Это папа поднял его. Он любил, когда папа его носил, но наслаждаться пришлось недолго: его усадили на край кровати девочки с планшетом.

Цзин Чжи повернулся к её родителям.

— Присмотрите за ним, пожалуйста. Я выйду позвонить в полицию. Я нашёл его вчера вечером, а родные так и не связались со мной.

Родители девочки тут же согласились, посоветовав ему не медлить.

Слыша доносящееся из планшета мяуканье, Цзин Чжи, словно спасаясь бегством, поспешил к выходу и закрыл за собой дверь. Наконец, когда звук остался позади, он прижал руку к груди, где неприятно ныло. Он боялся сделать глубокий вдох, чтобы не спровоцировать новый приступ боли, и дышал коротко, прерывисто. Душевная боль волной прокатилась по телу, отдаваясь тошнотой в горле.

Немного успокоившись, он, всё ещё прижимая одну руку к груди, другой достал из кармана телефон и набрал номер полиции. Официальный, бесстрастный голос на том конце провода помог ему немного прийти в себя. Он подробно рассказал, как нашёл ребёнка, назвал адрес больницы и свои данные. Скоро приедет полиция, и после передачи ребёнка им его миссия будет окончена. Нужно было спешить домой, собирать вещи. Лучше всего — переехать уже сегодня вечером.

Закончив разговор, Цзин Чжи повернулся и вернулся в палату.

Похоже, дети нашли общий язык и уже вместе смотрели в планшет.

Заметив его, малыш тут же поднял на него свои янтарные глаза и смотрел не моргая, словно боясь, что он исчезнет. Затем его глаза-янтарики постепенно изогнулись в два маленьких полумесяца.

Улыбка делала его ещё милее.

Когда он подошёл ближе, губы малыша шевельнулись, и он, улыбаясь, издал короткий, нежный звук:

— Мҗу.

<http://bllate.org/book/13680/1212135>